

лие, когда речь идет о быстротечности жизни и преходящем характере богатства: «Эта заповедь справедливо запрещает думать о будущем тем, кто не знает, что с ними произойдет в течение часа. Не разрешает думать об этом и господня притча о земле богача, давшей хороший урожай» (Разг., 211, 1—4). Этот фрагмент заставляет вспомнить евангельскую заповедь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут»⁹.

Однако практика общественных отношений в Византии зафиксировала множеством юридических актов, законов и постановлений охрану частной собственности. Императорские акты, документы монастырей многократно фиксировали увеличение размеров собственности, рассматривали различные тяжбы по поводу нарушений прав собственников. Крупные земельные владения обычно ограждались от различных посягательств иммунитетными грамотами, определявшими право собственника распоряжаться землями и постройками неприкосновенно (*ἀνενοχλήτως*)¹⁰.

В сочинении Николая Кавасилы «Слово против архонтов, дерзновенно злоумышляющих в отношении святых»¹¹ определяется неприкосновенность частной собственности, отстаиваемая от посягательств правящих лиц: «...правителям следует распоряжаться хозяйством, но не частных лиц (*τῶν ἰδιωτικῶν*), а лишь общественными» (Арх., с. 94, § 10. 1—2). Произвольное перемещение собственности без согласия хозяина, по Кавасиле, граничит с преступлением: «...нарушающие это право и перемещающие владение (*τὴν οἰκονομίαν*) преступают закон» (Арх., с. 95, § 10.17—19). Автор названного трактата сравнивает правителя, посягающего на чужую собственность под предлогом ее «доброе использования» (*χρήσασθαι καλῶς*), с мошенниками и ворами, которых, как известно, законы сурово наказывают, хотя они тоже могли бы сослаться на мотив «доброе использования» награбленного (Арх., с. 99—100, § 20).

Отойдя от области реальных отношений и обратясь к теории «богатства — бедности», нашедшей отражение в риторических сочинениях, мы не можем не отметить совершенно явной двойственности (можно даже сказать — системы двойственности), порожденной, с одной стороны, концепцией соотношения материального и духовного, а, с другой — навеянной человеческой практикой, не согласующейся с тезисом непризнания богатства.

В концепции собственности следует обратить внимание на вопрос о ее происхождении. Здесь отмечаемая двойственность прослеживается весьма четко. В сочинениях этого времени не раз звучит тезис о божественном происхождении собственности: все принадлежит богу, а не людям. У Алексея Макремволита мы читаем: «богатство от бога» (*ἐκ θεοῦ ἐχούτας τὸ πλοῦτος*). — Разг., 206.19), все «принадлежит общему отцу» (204.16). Автор, говоря о необходимости вернуть взятое богу, подчеркивает: «Он не гнушается брать в долг свое собственное» (Разг., 214.13—14). Люди, по Макремволиту, получившие собственность от бога («господь вручил вам это». — Разг., 214.7), являются лишь его управителями. Бог, передавая собственность людям, подвергал их тем самым нравственному испытанию и ниспосылал наказания тем, кто не проявил себя «благоразумным и верным управителем» (Разг., 214.16).

Но наряду с идеей божественного происхождения собственности мы находим в сочинениях византийских авторов упоминания и о совершенно реальных, земных условиях формирования ее. Алексей Макремволит называет среди способов разбогатеть торговлю, грабеж, отцовское наследство (Разг., 207.1—3). Бедные в цитируемом «Разговоре между бога-

⁹ Матф., 6.19.

¹⁰ Хвостова К. В. Некоторые вопросы истории иммунитетных грамот македонских монастырей XIV в. — ВВ, XIX, 1961, с. 38—59.

¹¹ Sevčenko I. Nicolas Cabasilas' «Anti-Zealot» Discourse: a reinterpretation. — DOP, 11, 1957, p. 91—125 (далее — Арх.).